

Замѣтки о журналахъ.

ноябрь 1856.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ. — РУССКАЯ БЕСѢДА.

Годъ, съ которымъ готовимся мы проститься, принесъ много хорошаго нашему отечеству. При самомъ началѣ его, благая воля Государя подала намъ надежду на миръ, желаемый всею Европою, благотворный для насъ; эта надежда не обманула насъ, — и миръ былъ заключенъ въ самое благопріятное для примиренія время, на условіяхъ, самыхъ выгодныхъ. Миръ, который должны благословлять мы всѣ, снова открылъ свободный путь нашей заграничной торговлѣ, оживилъ промышленную дѣятельность внутри государства, возстановилъ наши сношенія съ другими образованными народами, наконецъ, что всего важнѣе, далъ время и возможность къ исправленію всего того, что нуждается въ улучшеніи. Затѣмъ — торжество Коронованія и сопровождавшій его милостивый манифестъ, — манифестъ, возвратившій утраченныя блага столькимъ людямъ, облегчившій массу народа трехлѣтнею льготою отъ рекрутскихъ наборовъ. За манифестомъ послѣдовали преобразованія и улучшенія по многимъ отраслямъ національной жизни и, — быть можетъ, важнѣйшее изъ всѣхъ этихъ улучшеній, — принятіе мѣръ къ построенію обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Съ оживленіемъ всѣхъ отраслей національнаго нашего существованія и литература наша въ оканчивающемся теперь году была живѣе, интереснѣе, богаче мыслями и замѣчательными явленіями, нежели когда нибудь. Всѣ слухи, доходившіе до литературнаго нашего міра изъ провинцій, были согласны въ томъ, что на всѣхъ концахъ Россіи литературный интересъ пробудился въ замѣчательной степени. Повсюду въ публикѣ были толки и пренія по поводу той или другой повѣсти, того или другаго стихотворенія, той или другой журнальной статьи. Такъ оживилось сочувствіе къ литературѣ въ провинціяхъ. То же было и въ столицахъ, — это каждый литераторъ знаетъ по опыту.

Всякая живая мысль, всякое дѣльное слово принималось публикою съ горячимъ одобреніемъ; эта симпатія должна была дѣйствовать на литературу, —

и, дѣйствительно, литература старалась оправдать требованія и надежды публики: съ справедливою гордостью можетъ она сказать, что въ истекающемъ году была, хотя до нѣкоторой степени, достойна ея вниманія.

Въ началѣ года, она обогатилась двумя новыми журналами, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою несомнѣнную важность, и каждый приноситъ большую пользу нашему умственному развитію,—одинъ положительнымъ образомъ. другой, быть можетъ, почти только отрицательнымъ — возбуждая къ безпристрастнѣйшему изслѣдованію затрогиваемыхъ имъ вопросовъ—во все же приноситъ пользу и этотъ второй. Читатели видятъ, что мы говоримъ о «Русскомъ Вѣстникѣ» и о «Русской Бесѣдѣ».

Различны были ожиданія, возбужденныя тѣмъ и другимъ, — и, надобно сказать, въ значительной степени эти ожиданія были обмануты,—однимъ журналомъ къ лучшему, другимъ—не такъ, чтобы оттого увеличился его интересъ.

Литературно-ученыя мнѣнія редакціи «Русскаго Вѣстника» и писателей, которыхъ ожидали видѣть главными его сотрудниками, были хорошо извѣстны по ихъ дѣятельности въ другихъ журналахъ, до основанія «Русскаго Вѣстника»: мнѣнія эти не могли имѣть интереса новизны. Никто не сомнѣвался въ томъ, что «Русскій Вѣстникъ» будетъ журналомъ почтеннымъ, всѣ были увѣрены, что онъ дастъ много хорошихъ статей, особенно статей ученаго содержанія: сотрудничество многихъ профессоровъ Московскаго Университета, который столь справедливо считается средоточіемъ ученой жизни въ Россіи и бывшіе питомцы котораго такъ справедливо сохраняютъ на всю жизнь любовь къ нему, — это сотрудничество повсюду возбуждало самое горячее участіе къ новому журналу. Надежды на него были, какъ видимъ, довольно велики. Но слышались отъ многихъ и предположенія, до нѣкоторой степени ослаблявшія нетерпѣливости ожиданій,—теперь, когда эти предположенія прекрасно опровергнуты журналомъ, мы не находимъ нужды умалчивать о нихъ. Отъ многихъ можно было слышать мнѣніе, что «Русскій Вѣстникъ» не будетъ имѣть самобытнаго, только ему принадлежащаго характера, что онъ будетъ двойникомъ того или янаго изъ тѣхъ журналовъ, которые прежде имѣли его редактора и главныхъ сотрудниковъ своими сотрудниками. Нѣкоторые прибавляли, что новый журналъ. быть можетъ, не избѣжитъ сухости. Мы съ самаго начала не считали справедливыми этихъ предположеній и потому привѣтствовали появленіе «Русскаго Вѣстника» съ полною увѣренностью, что онъ докажетъ неосновательность сомнѣній. И, дѣйствительно, ему удалось достичь того. Нѣтъ надобности говорить, какъ опредѣлился характеръ «Русскаго Вѣстника»: основныя черты его фizioноміи достаточно ясны для cadaго. Благодаря своему характеру, онъ утвердиль за собою общее сочувствіе. Столь же удачно, какъ безцвѣтности. онъ умѣлъ избѣжать и сухости, такъ что принадлежитъ теперь къ числу не только наиболѣе распространенныхъ въ публикѣ, но и наиболѣе читаемыхъ журналовъ.

Мы хотѣли бы подробнѣе и точнѣе характеризовать фizioномію «Русскаго Вѣстника», но тутъ яришло бы, конечно, намъ не оставаться при однѣхъ похвалахъ, а указать также и нѣкоторыя стороны, которыя нуждаются въ улучшенія и, безъ сомнѣнія, будутъ улучшены,—эти замѣчанія были бы немногочисленны, но всетаки ихъ нельзя было бы совершенно устранить при

полной характеристикѣ журнала,—но послѣ странной и совершенно несправедливой выходки противъ «Современника», которую угодно было сдѣлать «Русскому Вѣстнику» въ прошедшемъ мѣсяцѣ, мы не хотимъ дѣлать и этихъ немногихъ замѣчашій, не желая, чтобъ кто нибудь могъ истолковать ихъ въ неприязненномъ смыслѣ. Потому, отказываясь на этотъ разъ отъ сужденій о томъ, чѣмъ болѣе и чѣмъ менѣе силенъ «Русскій Вѣстникъ», скажемъ только, что вообще этотъ журналъ пользуется общимъ уваженіемъ совершенно справедливо и значительно содѣйствовалъ оживленію нашей литературы въ прошедшемъ году.

«Русскій Вѣстникъ» въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превзошелъ ожиданія, съ которыми былъ встрѣченъ, хотя эти ожиданія были велики. «Русская Бесѣда» до сихъ поръ не успѣла дать публикѣ того, что всѣ надѣялись найти въ ней. Около десяти лѣтъ, славянофилы не имѣли своего органа въ литературѣ; естественно было думать, что новый журналъ ихъ скажетъ послѣ долгого безмолвія что нибудь замѣчательное. Приверженцы славянофильскихъ мнѣній въ публикѣ немногочисленны; большинство и не готовилось сочувствовать «Русской Бесѣдѣ». Но всѣ интересовались новымъ журналомъ: вѣроятно, десять лѣтъ прошли не безплодно для славянофиловъ, какъ не безплодно прошли они для развитія всей нашей литературы; прежде славянофилы не могли сами себѣ объяснить, чего именно они хотятъ, что они думаютъ; ихъ доктрина страдала неопредѣленностью, непоследовательностью. Теперь, вѣроятно, она опредѣлилась, стала понятнѣе для ума человѣческаго, если не стала справедливѣе. Любопытно послушать, что такое они скажутъ. Такъ говорятъ всѣ. Нѣкоторые, въ томъ числѣ и мы, имѣли ожиданія болѣе благопріятныя.

Не знаемъ, со временъ фонвизинскаго Иванушки существовали ли на Руси люди, которымъ все въ Западной Европѣ было бы восхитительно, которые воображали бы, что французскій языкъ—единственный порядочный языкъ на свѣтѣ, что на Западѣ всѣ люди счастливы, что на Западѣ нѣтъ многого дурнаго и отвратительнаго. Въ наше время изъ людей, сколько нибудь образованныхъ, нѣтъ ни одного, который бы считалъ Западную Европу земнымъ раемъ. Истинно образованный русскій (точно такъ же, какъ истинно образованный французъ, нѣмецъ и такъ далѣе) видитъ въ Европѣ очень много хорошаго, но съ тѣмъ вмѣстѣ и очоь много дурнаго. Мы осмѣливались полагать, что образованные люди вездѣ сходятся въ своихъ понятіяхъ о дурномъ и хорошемъ. Мы полагали, однимъ словомъ, что разница между славянофилами и людьми, не раздѣляющими ихъ мнѣній, можетъ существовать только въ томъ, что послѣдніе смотрятъ на вещи безпристрастно, что послѣдніе менѣе преувеличиваютъ свое доброе, менѣе обманываются относительно своихъ недостатковъ. Но мы никакъ не полагали, чтобы кто нибудь изъ образованныхъ людей находилъ дурное хорошимъ или наоборотъ. Потому мы полагали, что когда славянофилы будутъ осуждать Западную Европу, можно будетъ сказать: «вы проуполчпваете истину, но если отбросить преувеличенія, въ вашихъ словахъ найдется очень много правды»; что таково же будетъ отношеніе ихъ мнѣній о Россіи къ безпристрастнымъ мнѣніямъ. Словомъ, мы надѣялись, что съ ними можно будетъ во многомъ соглашаться. во многомъ другомъ противорѣча имъ. Многіе смѣялись надъ нашею надеждою.

Признаемся, до сихъ поръ «Русская Бесѣда» не успѣла доказать, тѣ, которые смѣялись надъ нашею надеждою, были неправы.

До сихъ поръ, «Русская Бесѣда» не сказала еще ничего такого, чѣмъ бы можно было согласиться, хотя отчасти. Нельзя съ нею ни въ согласиться не потому, чтобы она исключительно говорила мысли, изъ которыхъ каждая сама по себѣ несправедлива, — нѣтъ, въ самой неосновательной доктринѣ, если только она достигла нѣкоторой ясности и связности. Вотъ можно открыть что нибудь, похожее на правду, можно найти хотя вѣстельную частицу истины, съ которой можно согласиться.

Но въ «Русской Бесѣдѣ» мы до сихъ поръ не могли найти ничего такого, съ чѣмъ бы можно было согласиться, потому что не могли даже ровно ничего сколько нибудь яснаго.

Какъ же? Вѣдь они много говорятъ о многихъ важныхъ вопросахъ. Что говорятъ! — самыя разнородныя понятія у нихъ смѣшиваются въ одно, аныя противоположныя явленія сливаются въ одно представленіе. Напрямѣтъ: «наука должна искать истину и доказать справедливость тѣхъ убѣжденій, которыми мы дорожимъ» — какое же тутъ понятіе о наукѣ? Скажите что нибудь одно; скажите: «наука должна искать истину» — съ вами надобно будетъ было словно согласиться; или, пожалуй, скажите: «наука должна показать справедливость убѣжденій, которыми мы дорожимъ» — это понятіе будетъ ошибочнымъ, но все-таки въ немъ будетъ какой нибудь смыслъ, можно будетъ видѣть, вамъ нужна не наука, а защищеніе всего, что вамъ нравится; но если рядомъ ставите обѣ фразы: «наука должна искать истину и доказать справедливость убѣжденій, которыми мы дорожимъ» — если вы такъ говорите, можете ли понять, что вы разумѣете подъ наукою? точно ли науку. или защищаете того, что вамъ нравится?

Та же самая исторія повторяется до сихъ поръ, во всемъ, о чемъ бы вы заговорили славянофилы: возьмите какое угодно понятіе изъ тѣхъ, которые особенно часто повторяются ими, и попробуйте разгадать, что они подъ нимъ разумѣютъ, вы увидите, что вѣчно соединяютъ они подъ нимъ два совершенно различныхъ представленія.

Потому, интересъ, съ которымъ ожидалось появленіе «Русской Бесѣды» совершенно исчезъ. Она перестала обращать на себя вниманіе.

Кромѣ «Русскаго Вѣстника» и «Русской Бесѣды», мы должны упомянуть еще о третьемъ новомъ журналѣ — «Сынъ Отечества». «Сынъ Отечества» своимъ литературнымъ отдѣломъ отчасти походить на то, чѣмъ былъ «Библіотека для Чтенія» въ послѣдніе годы. Зато «Библіотека для Чтенія» подъ конецъ года совершенно обновилась и, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ занимать въ литературѣ болѣе видное мѣсто, нежели какое занимала въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ.

Всѣ вообще журналы наши, старые и новые, въ этомъ году имѣли болѣе жизни, нежели прежде. Поэзія, беллетристика, отдѣлы серьезнаго содержанія представляли много замѣчательнаго, довольно много представили блестящихъ явленій.

Въ этомъ году мы читали четыре произведенія г. Тургенева: повѣсти «Рудинъ», «Переписка» и «Фаустъ», и пьесу «Завтракъ у предводителя».

Романъ г. Григоровича «Переселенцы» и повѣсть его «Пахарь».

«Севастополь въ августѣ мѣсяцѣ», «Двухъ Гусаровъ» и «Мятель» графа Толстаго.

Можно припомнить еще нѣсколько повѣстей или рассказовъ, не лишенныхъ достоинства. Изъ нихъ одобреніе всѣхъ читателей заслужили «Губернскіе очерки» г. Щедрина.

Мы не будемъ здѣсь дѣлать оцѣнку того или другаго изъ этихъ произведеній въ отдѣльности; скажемъ только, что общій балансъ нашей беллетристики за этотъ годъ, сравнительно съ предыдущими, очень удовлетворителенъ.

«Оды Горация», переведенныя г. Фетомъ, «Германъ и Доротея» Гете, въ его же переводѣ, «Фаустъ», переведенный г. Струговичковымъ, наконецъ «Лиръ», переведенный г. Дружининымъ (въ этой книжкѣ «Современника»), — все это было помѣщено въ вашихъ журналахъ за нынѣшній годъ.

Но всего замѣтнѣе оживленіе русской литературы отразилось на ученыхъ и критическихъ статьяхъ. Тутъ прежде всего должны мы назвать превосходный этюдъ о яравахъ русскаго общества, написанный г. Павловымъ по поводу комедіи графа Соллогуба «Чиновникъ». Потомъ замѣтны статьи г. Чичерина, — имени новаго, но уже всѣмъ очень хорошо знакомаго въ нашей литературѣ, и статью г. Костомарова объ исторіи Малороссіи до Богдана Хмельницкаго.

Но не столько отрадны достоинства нѣсколькихъ отдѣльныхъ статей, сколько разнообразіе и интересъ, которымъ вообще отличался ученый отдѣлъ нашихъ журналовъ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что наша молодая литература обнаруживаетъ рѣшительное стремленіе къ сближенію съ жизнью.

Въ примѣръ, укажемъ два-три вопроса, близкіе къ жизни, изъ тѣхъ, которые занимали журналистику въ нынѣшнемъ году.

Въ самомъ началѣ нынѣшняго года, привлекъ на себя общее вниманіе вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ. Изъ журналовъ онъ перешелъ въ газеты, и до сихъ поръ часто встрѣчается въ той или другой изъ нихъ статья по этому дѣлу. Люди, совершенно чуждые обыкновеннаго литературнаго кружка, принимали участіе въ преніи: видно было, что вопросъ заживо затрогивалъ каждого, такъ или иначе, и каждый спѣшилъ высказать свое мнѣніе, принести новый доводъ въ пользу мысли, кажущейся ему справедливою, или новое опроверженіе мысли, которую считалъ ошибочною. Нельзя было безъ особеннаго участія слѣдить за этимъ всестороннимъ обсужденіемъ дѣла, важнаго для общества. Конечно, много было выражено тутъ мнѣній, происходившихъ единственно отъ непривычки нашей думать о политико-экономическихъ вопросахъ, ~~иногда~~ возникавшихъ совершенно понапрасну, не имѣя сказать ничего общаго пренію было ведено наставительно и довольно глубоко.

Самъ, до какой степени нужны намъ желѣзныя дороги, еще какой доходъ могутъ онѣ приносить у насъ въ вознагражденіе затратъ, и о томъ, какими капиталами надобно строить желѣзныя дороги, и о томъ, каково должно быть направленіе желѣзныхъ дорогъ. Слѣдствіемъ преній было разъясненіе многихъ ~~иногда~~ чіе здравыхъ понятій о дѣлѣ желѣзныхъ дорогъ.

настоятельной необходимости, при недостаткѣ русскихъ капиталовъ, допустить въ замѣну ихъ иностранные. Теперь изъ людей, чвтающихъ что нибудь, въ очень мало найдете такихъ, которые не приготовлены къ принятію истиннаго рѣшенія вопроса, задуманнаго правительствомъ.

Нѣсколько позднѣе начался въ журналахъ и газетахъ споръ о преимуществахъ высокаго или низкаго тарифа. Онъ былъ иными, особенно изъ противниковъ низкаго тарифа, ведевъ съ раздраженіемъ, напраснымъ съ ученой точки зрѣнія, быть можетъ, свидѣтельствовавшимъ о непривычкѣ нашей къ веденію преній, но съ тѣмъ вмѣстѣ свидѣтельствовавшимъ о близкой связи этого вопроса съ жизненными интересами нашего общества.

Упомянемъ еще о преніяхъ по вопросу относительно воспитанія. Они были вызваны предложеніемъ «Морскаго Сборника», подавашаго тѣмъ прекрасный примѣръ признанія пользы, какую можетъ принести всестороннее обсужденіе затруднительныхъ вопросовъ. Много разъ мы ставили «Морской Сборникъ» образцомъ для всѣхъ подобныхъ ему журналовъ, и теперь скажемъ, что онъ продолжаетъ приобретать все больше и больше права на признательность русской публики энергическимъ искашемъ чистой истины.

Появленіе «Русской Бесѣды» заставило нѣкоторыхъ обратиться къ изслѣдованію вопроса о народности въ наукѣ. Большинство публики, совершенно соглашаясь съ справедливостью понятія, что наука должна искать общечеловѣческой истины, а не оправданія мѣстныхъ и временныхъ односторонностей, находило, однако же, что туманныя мечты о какой-то особенной народности въ наукѣ, не имѣя ровно никакого положительнаго содержанія, едва ли заслуживали того, чтобы и заниматься ихъ опроверженіемъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя изъ статей, написанныхъ, по поводу «Русской Бесѣды», въ доказательство того, что наука не должна имѣть ничего общаго съ случайными пристрастіями и предубѣжденіями, обращали на себя вниманіе замѣчательными достоинствами.

Опытомъ изъ нынѣшняго года подтверждается истина, очень извѣстная, во немногихъ понимаемая во всеѣ ея значенія: развитіе литературы находится въ самой тѣсной связи съ усиленіемъ умственной жизни въ обществѣ.

Мы указали только немногіе изъ тѣхъ вопросовъ, которые были подняты и болѣе или менѣе основательно изслѣдованы вашими журналами въ теченіе нынѣшняго года; многіе другіе, или не столь важные, или не довольно обсужденные, не попали въ этотъ краткій перечень главныхъ предметовъ умственнаго движенія, находившихъ себѣ отголосокъ въ нашихъ журналахъ за настоящій годъ. Но и эти немногія воспоминанія могутъ уже быть доказательствомъ, что пробужденіе интереса въ публикѣ къ нашимъ періодическимъ изданіямъ было не случайно: оно зависѣло отъ пробужденія въ обществѣ умственной дѣятельности.